

3. Апрельский Пленум ЦК КПСС

Апрельский Пленум должен был стать эпохальным уже потому, что он был посвящен предстоящему созыву XXVII съезда партии. Это предоставляло возможность Горбачеву изложить основные положения своей политики во всей полноте, закрепить мартовский успех. Обновленческие авансы, выданные населению во время апрельского «явления Генсека народу» уже не оставляли консервативному крылу ЦК надежды на скорый реванш. Однако это не снимало скрытых пока противоречий в недрах обновленческого лагеря между реформистами-рыночниками и андроповцами-пуританами. Горбачеву еще долго предстояло лавировать между этими двумя группировками. Причем по мере ослабления влияния традиционных консерваторов противоречия между реформистами-рыночниками и «пуританами» будут обостряться.

Оглядываясь на позицию союзников, Горбачев все же самостоятельно формулировал основы нового курса. Н.Рыжков вспоминает: «Доклад к апрельскому Пленуму Горбачев писал сам. То есть не без помощи референтуры, конечно, не без запроса материалов с разных мест, в том числе и из экономического отдела ЦК, но — сам. Сам диктовал, сам правил, сам перекраивал. В итоге он получился ярким, непривычно личностным и, главное, я бы сказал, обобщающе революционным»⁵⁵.

Самостоятельность Генсека в теоретической работе вносила струю свежего воздуха в затхлую идеологическую атмосферу страны. Но в условиях сохраняющегося сверхцентрализма управления это повышало опасность волюнтаризма — личное мнение Горбачева преобразовывалось в действия аппаратчиков по всей стране. Не вполне продуманные кампании 1985—1986 гг. во многом стали следствием такого «революционного» подхода к решению стоящих перед страной проблем. Раннеперестроечный радикализм

стал результатом синтеза недостатка опыта новой администрации со стремлением как можно быстрее вырваться из «заколдованного круга» застоявшейся социальной структуры. По мере накопления опыта политика Горбачева будет становиться все более реалистичной и в то же время глубокой. Но разбуженные ожидания населения и правящих слоев вызовут к жизни новую волну радикализма, которая «накроет» хрупкую контрукцию горбачевских реформ. В 1985 г. Горбачев еще не чувствовал этой опасности: «Надо было как можно скорее вытаскивать общество из летаргии и равнодушия, включать в процесс перемен. В этом я видел гарантию успеха задуманной перестройки, об этом говорил на апрельском Пленуме, такую цель преследовали и мои поездки по стране»⁵⁶.

Горбачев начал свою речь на апрельском Пленуме ЦК КПСС с апелляции к Ленину, которому днем ранее исполнилось 115 лет. К цитате Ленина обратился Генсек и завершая речь: «Мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их»⁵⁷. Исправление ошибок, по мнению Генсека, началось при Андропове: «Благодаря активной работе партии, начиная с 1983 года, удалось подтянуть работу многих звеньев народного хозяйства и несколько улучшить обстановку»⁵⁸. Прикрытие со стороны Ленина и Андропова делали речь идеологически неуязвимой и вдохновляли «пуритан» на поддержку Горбачева в его планах. А планы эти были связаны прежде всего с ускорением социально-экономического развития.

Выступая на Пленуме, Горбачев указывал на традиционные резервы ускорения, прежде всего на укрепление дисциплины. Однако наряду с этой бюрократической рекомендацией большое внимание в речи было уделено «активизации человеческого фактора» и «неуклюжому расширению участия трудящихся в управлении»⁵⁹. Проблема «участия», будоражившая Европу в 60—70-е гг., оказалась в поле реформистской идеологии нового руководителя КПСС. Большое значение уделял Горбачев и раскрепощению производственных отношений на селе, надеясь на чудодейственность арендного подъята. Отвечая на сомнения своего помощника в эффективности аренды, он говорил при подготовке доклада: «Ты ничего не понимаешь в характере крестьянина. Посмотри, как быстро пошло дело в Китае, а мы не хуже их»⁶⁰. Применимость китайского опыта к реформам в СССР была обманчивой — слишком различными были стартовые условия. Но в 1985 г. это еще не было видно.

Ключевым звеном экономического рывка, по мысли Горбачева, должна была стать научно-техническая революция: «Нужны революционные сдвиги — переход к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность»⁶¹. Этот технологический романтизм составлял суть политики ускорения. Само ускорение было задумано для преодоления барьера Научно-технической революции, для технологического перевооружения экономики (и вооруженных сил). Но само это перевооружение рассматривалось как ключевое звено экономического ускорения.

Получался замкнутый круг, выход из которого можно было найти лишь в структурных преобразованиях.

И Горбачев решается на провозглашение этой идеи. Время андроповского эксперимента закончено, начинается время реформ или, выражаясь более осторожно, «перестройки»: «Достигнут такой рубеж, когда от эксперимента надо переходить к созданию целостной системы хозяйствования и управления. А это значит, что следует начать практическую перестройку работы и верхних эшелонов хозяйственного управления, нацелить их на решение прежде всего перспективных социально-экономических и научно-технических задач, на поиск наиболее действенных форм соединения науки с производством»⁶².

Идеи, связанные с научно-техническим прогрессом, были подробнее развиты реформаторами в июне на специальном совещании, которое фактически превратилось в расширенный Пленум ЦК (собственно, первоначально именно Пленум по этому вопросу и планировался). «Доклад на этом совещании мы готовили вдвоем, — вспоминает Н.Рыжков. — Буквально... Запирались в кабинете Горбачева, на обед порой не отлучались, сидели с утра до ночи, а вернее — ходили и даже ползали, поскольку множество материалов — документы, справки, статьи, записки, заранее собранные отовсюду, не умещались на длинном столе для заседаний: мы разложили их на полу и действительно ползали между ними, отыскивая нужную мысль, нужную идею, нужную цифру»⁶³. Люди, в распоряжении которых был огромный аппарат, вынуждены были сами перерабатывать огромный бумажный массив. Они не доверяли марксистско-ленинским аналитикам и, не имея других, пытались сами дойти до истины.

Необходимость стимулирования научно-технического прогресса вызвала к жизни реформы. И эти реформы могли приобрести масштабы, угрожающие благополучию бюрократии, ее стремлению к преобразованию власти в собственность. Однако антибюрократические положения в речи Горбачева на апрельском Пленуме касались только хозяйственных ведомственных структур: «Пора приступить к совершенствованию организационных структур управления, ликвидировать излишние звенья, упростить аппарат, повысить его эффективность. Сделать это важно еще и потому, что некоторые звенья управления превратились в помеху, стали тормозить движение. Нужно резко сократить число инструкций, положений, методик, которые, подчас своевольно толкуя решения партии и правительства, сковывают самостоятельность предприятий»⁶⁴.

Горе побежденному. Поражение ведомственной группировки в борьбе за власть в первой половине 80-х гг. привело к тому, что реорганизации и сокращения предполагалось начать именно с промышленной бюрократии. Директорату предлагалось начать наступление на ее позиции при поддержке партийного аппарата («партии»). Закрепляя поддержку местнической тенденции, Горбачев заявил о том, что «необходимо и дальше расширять права местных органов»⁶⁵. Эти идеи еще более откровенно высказывались в выступлениях Э.Шеварднадзе, который отстаивал права республик на самостоятельность в проведении реформ («учет местных условий»)⁶⁶. В этом Шеварднадзе поддержал и эстонский руководитель Вайно. Особенно четко курс на демонтаж отраслевой структуры управления должен был проявить-

ся в аграрной политике. Здесь приход Горбачева означал более решительное проведение реформы, которую не удалось в полном объеме провести в 1982 г.: «Если мы твердо убеждены, что на земле должен быть единый хозяин и агропромышленные объединения несут всю полноту ответственности за выполнение Продовольственной программы — в чем, думается, ни у кого сомнения нет, — то следует осуществить меры, которые позволят управлять, планировать и финансировать агропромышленный комплекс как единое целое на всех уровнях»⁶⁷. Заранее отвергая все возможные возражения, Горбачев подтвердил, что отныне дефицитные продовольственные товары перейдут под контроль аграрной верхушки и региональной партноменклатуры. Одновременно Горбачев добивается и сочувствия интеллигенции, упоминая, что неэффективная система аграрных отношений заставляет привлекать научных работников для работы на овощебазе⁶⁸. Увязка реформ с освобождением интеллигенции от этой тяжелой повинности должна была обеспечить новому курсу искреннюю поддержку пишущего сословия.

Горбачев готов был подавать пример, демонстрируя новый стиль поведения. Он обрушился на первого секретаря Кустанайского обкома партии В.Демиденко, который позволил себе упомянуть о стиле Горбачева в выступлении на Пленуме. Горбачев оборвал выступающего, а на совещании с секретарями обкомов вернулся к этому вопросу: «Давайте все же будем говорить не о стиле Горбачева, а о нашем общепартийном, ленинском стиле работы. Я конечно понимаю, что товарищ Демиденко руководствовался добрыми чувствами, но ведь может получиться так: один скажет теплые слова, другой подхватит, а потом начнутся никому не нужные восхваления»⁶⁹. Горбачев боялся оказаться в таком же двусмысленном положении, в котором находился Брежнев в конце жизни. Но это не значило, что не нужно было «укреплять авторитет» руководства, просто Горбачев считал необходимым делать тоньше. На место «культы личности» приходило время создания имиджей.

В то же время Горбачев переходит и к более решительным заявлениям в отношении ключевого вопроса политической борьбы — расстановки кадров: «Там, где... допускается выдвижение работников на основе личной преданности, угодничества, протекционизма, там неизбежно наступают затухание критики и самокритики, ослабление связей с массами и как результат — провалы в работе»⁷⁰.

Но перечисленные Горбачевым явления могли быть обнаружены в любом ведомстве, так как они присущи любой бюрократической иерархии. Критикуя эти свойства бюрократии, Горбачев мог затем нанести удар по любой хозяйственной, а затем и партийной структуре. Понятно, что это не могло не вызвать сопротивления. Горбачев стремится заинтересовать в ударе по ведомственной структуре не только директоров и партийных «удельных князей», он ищет союзников и в самих ведомствах — в лице бюрократической молодежи, молодых карьеристов, готовых воспользоваться кадровыми чистками для собственного продвижения по службе: «Необходимо смелее выдвигать на ответственные посты женщин и молодых перспективных работников». Генсек предлагает преодолеть «застой в движении кад-

ров», но тут же гарантирует «стабильность партийного руководства» — реорганизация пока не грозит партийной машине⁷¹. Более категорично был настроен Шеварднадзе, намекавший на возможность чистки кадров. Одновременно опытный царедворец сумел (несмотря на запреты) сопроводить свою речь долей лести в адрес Генсека, процитировав положительные отклики о нем в зарубежной прессе⁷².

Несмотря на успокаивающие замечания Генсека, новому поколению чиновников должно было быть ясно — приходят новые времена. Старое поколение руководителей должно уступить им место. Горбачев становился гарантом исполнения этих надежд, этой воли к власти. А те, кому повезет получить во время антиведомственных реформ достаточную власть, могли претендовать на преобразование ее в собственность. Такие ставки придавали игре особый интерес и обеспечивали Горбачеву значительную поддержку среди наиболее динамичной части номенклатурной элиты. Менее оборотистые чиновники еще не почувствовали угрозу — Горбачев выражался достаточно осторожно, чтобы его услышали прежде всего те, кто хотел услышать. Для остальных речь шла о продолжении андроповского курса на рационализацию государственного социализма. Не удивительно, что апрельский Пленум ЦК прошел «на ура». Это позволило Горбачеву без труда закрепить кадровый успех. Вопреки традиции два секретаря ЦК были избраны членами Политбюро минуя статус кандидата в члены. Но кто мог противостоять этому взлету. Ведь речь шла о всесильном Е.Лигачеве, который обеспечивал кадровые чистки с 1983 г., и о Н.Рыжкове, который шел на смену Тихонову. Лигачев перемещался на второй в партии пост секретаря по идеологии. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто теперь занимает пост № 2, уже при открытии Пленума Горбачев посадил Лигачева рядом с собой и предложил предоставить слово Генсеку. В мае на пост руководителя Орготдела был назначен Г.Разумовский — первый секретарь Краснодарского крайисполкома и противник Медунова, а с 1981 г. — заведующий аграрным отделом Управления делами Совмина. Здесь он контактировал с Горбачевым, который способствовал его назначению на место недавнего противника, а затем — и на ключевой пост в продолжающейся кадровой чистке. Полным членом Политбюро стал также Чебриков, поддержавший Горбачева руководитель КГБ. Министерство обороны после победы Горбачева явно отставало от соперника — министр обороны маршал Соколов стал только кандидатом в члены Политбюро. Выдвиженец Горбачева В.Никонов занял прежний пост Генсека — секретаря по сельскому хозяйству.

Эти перестановки нарушили прежнее равновесие в партийном ареопаге. Огненные сторонники преобразований имели безусловное большинство, которое будет сохраняться до тех пор, пока «реформисты» и «пуритане» не почувствуют, что они понимают преобразования по-разному. Но это произойдет лишь в 1987—1988 гг.